

ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА НА ЗАКАТЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: КРИЗИС И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

В многочисленных научных трудах, посвященных предреволюционным годам в России, рассмотрена буквально каждая грань глубокого общественного и политического кризиса, охватившего царский режим, однако роль религии и Церкви в этом процессе по большей части игнорируется. По причине отсутствия фундаментальных исследований историки полагаются на стереотипы, выработанные дореволюционной интеллигенцией (светской, преимущественно антиклерикально настроенной) и очень похожие по духу на антирелигиозную пропаганду 1920–1930-х гг.¹ С особой силой эта традиция проявилась в советской историографии, которая неизменно ставила знак равенства между Церковью, духовенством, религией с одной стороны и реакционным монархизмом — с другой². Что уди-

Перевод выполнен по: *Freeze G. L. Church and Politics in Late Imperial Russia: Crisis and Radicalization of the Orthodox Clergy // Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917 / ed. by A. Geifman. Oxford: Blackwell, 1999. P. 269–297. Печатается с разрешения © John Wiley & Sons Ltd.*

¹ Вот типичные примеры: *Дрезен А. К. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1936; Кандидов В. П. Церковь в 1905 г. М., 1930.*

² См., напр.: *Гринцевич Ю. А. Религия на службе у реакции в первой русской революции // Научные записки Одесского кредитно-экономического института. 1956. № 3. С. 129–147; Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие и народ. М., 1969; Андриевский В. П. Из истории антинародной деятельности церкви на Волыни. Дисс. ... канд. истор. наук. Львов, 1968; Зырянов П. Н. Православная*

вительно, в этой конкретной сфере западные историки — те, которые вообще упоминают о Церкви, — склонны придерживаться аналогичных взглядов, не удосуживаясь заглянуть даже в самые основополагающие печатные (а уж тем более архивные) источники; они, ничтоже сумняшеся, утверждают, что Церковь была «служанкой государства», стоявшей на страже интересов царизма. В своем анализе они, как правило, подчеркивают либо особую приверженность православия «потусторонности»³, либо петровские «бюрократизацию» и «огосударствление» Церкви — эти явления называют основными причинами превращения Церкви в «раболепную служанку» светского государства. Например, именно на этих посылах основано недавно опубликованное исследование Ричарда Пайпса, посвященное предреволюционной России: цитируя два заезженных источника, он утверждает, что «монархия управляла Россией с помощью... Православной церкви» и заявляет, что «во время революции 1905 г. духовенство приняло сторону монархии»⁴. Хотя некоторые исследователи (в том числе и Пайпс) упоминают «либеральное приходское духовенство», либерализм клира они считают явлением маргинальным, непоследовательным, малозаметной aberrацией на фоне «епископов-реакционеров»⁵. Российские ученые перестроечного и постсоветского периодов тоже продолжают строить свои рассуждения на традиционной интерпретации⁶.

Однако в свете последних исследований эта традиционная интерпретация нуждается в радикальном пересмотре. Прежде всего, при рассмотрении роли Церкви и духовенства в политике позднего периода существования Российской империи ученые впервые начали принимать в расчет основной корпус опубликованных, а в самое последнее время — и архивных материалов. Большинство этих новых работ

церковь в борьбе с революцией, 1905–1907 гг. М., 1984; Павлюченко Н. В. Антинародная роль Православной церкви в Белоруссии в период первой русской революции, 1905–1907 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. Гродно, 1979.

³ Чрезвычайно поверхностное описание (основанное на словах Макса Вебера, без отсылки к первоисточникам) см. в: Buss A. Die Wirtschaftsethik der russisch-orthodoxen Christentums. Heidelberg, 1989, которое необдуманно использовано в защиту традиционного взгляда на Церковь в: LeDonne J. P. Absolutism and the Ruling Class. New York, 1991.

⁴ Pipes R. The Russian Revolution. New York, 1990. P. 61, 88 (русский перевод: Пайпс Р. Русская революция: В 2 тт. М., 1994); Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974. P. 221–245 (русский перевод: Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993).

⁵ См.: Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution. 1891–1924. New York, 1996; Ascher A. The Revolution of 1905: In 2 vols. Stanford, 1988–1992. Vol. 2. P. 329–336.

⁶ См., напр.: Козлов Ю. Ф. Союз короны и креста. Саранск, 1995. С. 222–228.

появилось на Западе⁷, однако в последние годы похожее переосмысление старых взглядов стало происходить и в российской науке⁸.

Эти новые исследования, безусловно, приняты в расчет в данной статье, однако прежде всего она основана на систематическом изуче-

⁷ Одна из ранних работ, основанная исключительно на многочисленных, но мало исследованных печатных источниках, — диссертация Дж. Гики: *Geekie J. H. M. The Church and Politics in Russia 1905–1917*. PhD diss., University of New Anglia, 1976. С тех пор появился ряд исследований, основанных на архивных изысканиях, в которых противоречивая картина положения Церкви и духовенства в поздней имперской России была в значительной степени пересмотрена. См., напр.: *Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, 1983. Pt. 3; *Cunningham J. A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906*. New York, 1981 (русский перевод: *Каннингем Д. С надежной на Собор. Русское религиозное пробуждения начала 20 века*. Лондон, 1990); *Dixon S. M. Church, State and Society in Late Imperial Russia. The Diocese of St. Petersburg. 1880–1914*. PhD diss., University of London, 1993. Авторы работ, появившихся в последнее время, пытаются подключить к исследованию не только Церковь, но и историю религии. См., напр.: *Shevzov V. Popular Orthodoxy in Late Imperial Russia*. PhD diss., Yale University, 1994 (русский перевод: *Шевцова В. Православие в России накануне 1917 г.* СПб., 2010); *Chulos C. J. Peasant Religion in Post-Emancipation Russia*. PhD diss., University of Chicago, 1994; *Kizenko N. Making of a Modern Saint: Ioann of Kronstadt and the Russian People*. PhD diss., Columbia University, 1995 (русский перевод: *Киценко Н. Святой нашего времени: Отец Иоанн Кронштадский и русский народ*. М., 2006); *Herrlinger K. P. Class, Piety, and Politics: Workers, Christianity, and the Problem of Religious Identity in Russia. 1881–1914*. PhD diss., Berkeley, 1996.

⁸ Безусловно, и раньше выходили толковые исследования дореволюционного «церковного либерализма»; вот одна из самых примечательных: *Андреев В. М. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. и его идеология*. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1971. В последние годы новый подход постепенно проник в целый ряд серьезных исследований: *Замахова Е. Д. Депутаты от православного духовенства в Третьей Государственной думе*. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1994; *Полунов А. Ю. Ведомство православного исповедания под властью К. П. Победоносцева, 1991–1894 гг.* Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1992; *Симонов Ю. В. Анализ особенностей социально-идеологической деятельности Русской православной церкви в начале XX в.* Дисс. ... канд. истор. наук. Нижний Новгород, 1993; *Пашкина Н. К. Роль церковно-приходской школы в утверждении православной идеологии в России (конец XIX — начало XX в.)*. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 1991; *Фоминных Е. В. Проекты церковных преобразований в начале XX в.* Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1987; *Денисова Е. В. Дифференциации социальной позиции духовенства в годы первой русской революции как отражение кризиса идеологии русского православия*. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1986; *Леонтьева Т. Г. Церковная интеллигенция Тверской губернии в конце XIX — начале XX в.* Дисс. ... канд. истор. наук. Петрозаводск, 2002; *Останина О. В. Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX в.* Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1991. Подробный обзор новейшей литературы см. в: *Freeze G. L. Confessional Problems in Multi-Confessional Russia in the Imperial Period: Historiography* // *Былые годы*. 2016. № 39 (1).

нии автором печатных и архивных материалов; ее цель — предложить картину, выявляющую неоднозначность и нюансы той роли, которую играли епископы и священники в предреволюционной России. Кроме того, важно не только отметить различия между епископами и священниками, но и принять в расчет острые противоречия внутри самих этих групп, а кроме того — установить, как их отношение к самодержавию и старому порядку менялось между кануном революции 1905 г. и падением монархии в 1917-м. Были ли все епископы «реакционными монархистами» не только во время революции 1905 г., но и в критические межреволюционные годы? Были ли приходские священнослужители в 1905 г. «по преимуществу» реакционерами, членами и ярыми сторонниками «Союза русского народа»? Если это так, почему в 1917 г. Церковь и духовенство так яростно отмежевались от царизма?⁹

Как будет показано в этой статье, к 1917 г. русское духовенство — даже самые высокопоставленные и «реакционные» архиереи — полностью разочаровалось в режиме, не способном ни к реформам, ни к репрессиям, а способном только разлагать элиту и предавать жизненно важные интересы Церкви. Когда в 1917 г. режим этот наконец соскользнул в пропасть революции, даже самые консервативные архиереи, члены Синода, не поспешили подняться на его защиту¹⁰, а по оценкам одного высокопоставленного церковного чиновника-мирянина, 90 % представителей высших кругов духовенства приветствовали революцию¹¹. Уже через несколько недель по всей стране прошли епархиальные собрания, на которых были приняты решения в поддержку революции, непопулярные «распутинские» епископы сняты с должностей и даже поддержаны «справедливые» социальные требования низших классов. Задача этой работы состоит в том, чтобы объяснить, почему либеральное духовенство (склонное поддерживать «освободительное движение») оказалось в таком большинстве, почему епископат (включая его архиконсервативное крыло) разочаровался в самодержавии (и в гибридной думской монархии), а следовательно — почему Церковь не могла и не хотела оставаться «столпом старого режима».

⁹ То же с позиций компаративизма см. в: *Johnston H., Figa J. The Church and Political Opposition: Comparative Perspectives on Mobilization against Authoritarian Regimes // Journal for the Scientific Study of Religion. 1988. Vol. 27. P. 32–47.*

¹⁰ *Карташев А. В. Революция и собор 1917–1918 гг. // Богословская мысль. 1942. № 4. С. 75–101.*

¹¹ *Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода: В 2 тт. Мюнхен, 1923. Т. 1. С. 114.*

ЕПИСКОПАТ: ОТ МОНАРХИСТОВ К ФРОНДЕРАМ

Российский епископат — около 175 архиереев, занимавших должности митрополитов, архиепископов, епископов и викарных епископов в 71 епархии — и сам претерпел в начале XX в. значительные изменения¹². При том что в епископах по-прежнему видели злую силу и большинство приходских священников сильно их недолюбливали, с середины XIX в. епископат стал радикально меняться. Да, все епископы по-прежнему, в согласии с традицией Русской церкви, принимали постриг, однако очень немногие принадлежали теперь к «ученому монашеству», в основном потому, что монахов — выпускников духовных академий было крайне мало и по этой причине Церковь вынуждена была возводить в епископский сан вдовых священников, которые после принятия сана принимали постриг и быстро начинали двигаться вверх по иерархической лестнице.

И все же на заре XX в. многие архиереи придерживались крайне консервативных взглядов — такие священнослужители, как, например, митрополит Антоний (Вадковский) из Санкт-Петербурга, который терпел и даже спонсировал деятельность Гапона, являлись исключением. Неудивительно, что епископы (а в особенности Синод) проповедовали преданность самодержавию. Помимо школьных катехизисов¹³ и прославления царской фамилии в дни государственных праздников¹⁴, Церковь принимала особые меры по борьбе с революционным движением. Так, после бурных крестьянских протестов в Полтаве и Харькове в 1902 г. Синод распространил «образцовую проповедь» для священников: «В некоторых местах нашего отечества, в Полтавской и Харьковской губерниях, случилось несчастное и безумное дело, доньше неслыханное. Явились в селения крестьянские к простым людям злые обманщики, называя себя царскими посланцами, и стали уверять их, что правительством дозволяется грабить и разорять чужие достатки у людей зажиточных.

¹² *Plamper J.* The Russian Orthodox Episcopate, 1721–1917 // *Journal of Social History*. 2000. Vol. 34. P. 5–34; *Patock C.* Die russisch-orthodoxen Bischöfe der letzten 100 Jahre // *Tausend Jahre Christentum in Rußland* / hrsg. von K.-C. Felmy et al. Göttingen, 1988. S. 435–444; *Freeze G. L.* L'Episcopato nella chiesa ortodossa russa; Crisi politica e religiosa alla fine dell'ancien régime // *La Grande Vigilia* / ed. A. Mainardi. Magnano, 1998. P. 21–55.

¹³ Образец такого текста см. в: *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution. 1891–1924. P. 63.

¹⁴ См., напр., описание литургий, которые служили в день рождения Николая в 1903 г. на «день 6-го мая»: *Новое время*. 1903. 7 мая.

Поверили им простые люди и, никого не спрашивая, пустились разорять чужие усадьбы, забирать хлеб и всякое имущество». Проповедь призывала даже тех, с кем в прошлом обходились несправедливо, следовать закону и поддерживать порядок¹⁵.

Тем не менее в канун 1905 г., еще до «распутинщины», среди церковных иерархов росло недовольство и подозрительность в отношении к политике и власти самодержца и влиятельных сановников. Напряжение нарастало постепенно на протяжении последних десятилетий XIX в., особенно после назначения обер-прокурором К. П. Победоносцева; несмотря на приписываемое ему всемогущество (а точнее, по причине этого мнимого всемогущества, равно как и его бестактного вмешательства в церковные дела), он с самого своего вступления в должность в 1880 г. вызывал резкое неприятие у высокопоставленных иерархов¹⁶. Впрочем, речь шла отнюдь не только о личных предпочтениях: церковные иерархи все отчетливее сознавали, что светское государство намерено прежде всего блюсти свои собственные интересы, в том числе и за счет Церкви. Хотя с этой угрозой епископам приходилось сталкиваться и в XVIII, и в XIX в., в первые годы правления Николая II особые прерогативы и власть Православной церкви оказались под беспрецедентным ударом. Особую тревогу вызывали у епископата планы, которые активно проталкивали высокопоставленные чиновники, «секуляризировать» брак (т. е. вывести его из-под церковной юрисдикции) и, что еще хуже, смягчить церковный запрет на раздельное проживание супругов и резкое неприятие развода¹⁷. Вторым, еще более деликатным вопросом была веротерпимость: с середины XIX в. правительство постепенно отказывалось от политики репрессий за «отступничество», особенно в политически неспокойных регионах (т. е. в тех, где проживали влиятельные старообрядцы, а также в приграничных, например в западных и прибалтийских губерниях). Обещания улучшить положение религиозных меньшинств, прозвучавшие, например, в Манифесте 1903 г., могли только переполошить иерархов, уже и так переполошенных стремительным ростом старообрядчества и сектантства. Кроме того, архиереев оскорбляли настойчивые попытки правительства разрушить традиционный ре-

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 634. Л. 4–6 об.

¹⁶ См.: Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Pt. 3.

¹⁷ Внятное изложение истории противостояния Синода и светской бюрократии см. в: Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. Pt. 1.

лигиозный быт — например, сократить число праздничных дней или принять западный григорианский календарь¹⁸.

Примечательно, что чувства епископов оскорбляло не только обезличенное чиновничество, но и сам государь император. Видя, как его режим постепенно утрачивает легитимность, Николай II предпринял мощную попытку «пересакрализировать» самодержавие, т. е. восстановить особую связь между короной и крестом. Некоторые его действия не могли не встретить поддержки духовенства: например, в февральском манифесте 1903 г. не только высказывалось обещание увеличить финансовую поддержку духовенства, но и подчеркивалась необходимость церковной реформы¹⁹. На крайне важном символическом уровне Николай лично принял участие в решении всевозможных насущных церковных вопросов — например, отдал приказ о проведении официального расследования многочисленных нарушений монастырских порядков²⁰. Николай также интересовался народным православием, в особенности иконописью: понимая, как она страдает от конкуренции с дешевой фабричной продукцией, император созвал специальную комиссию, которая должна была разработать способы защиты народного христианского творчества от конкуренции со стороны бездушных современных станков²¹.

Самое удивительное заключается в том, что Николай лично вмешался в щекотливый вопрос о канонизации. Церковные власти всегда относились к народным просьбам о канонизации с определенной настороженностью (как правило, опасаясь махинаций со стороны местного духовенства, которому неизменно хотелось заполучить собственного «святого» — реликвию, которая привлечет толпы благодарных и щедрых паломников); в итоге до восшествия Николая на престол, на протяжении XVIII и XIX вв., было канонизировано всего четверо святых. Даже и эти канонизации были проведены с сильнейшей неохотой и крайней осмотрительностью — им предшествовали не годы, а десятилетия сбора и проверки фактов (нужно было продемонстрировать, что останки очередного кандидата в святые

¹⁸ С начала 1860-х гг. чиновники регулярно выдвигали предложения сократить количество религиозных праздников, в основном чтобы подстегнуть производительность экономики; особенно часто эти предложения звучали в начале нового века. О них и о решительном противостоянии этому Церкви см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 72. Отд. 2. Ст. 3. Д. 232; Оп. 96. Д. 230. Л. 2–9 об.; Ф. 796. Оп. 185. Д. 184.

¹⁹ Высочайший манифест // Церковные ведомости. 1903. № 9. С. 55–57.

²⁰ В 1901 г. в ответ на жалобы о преступлениях и неподобающем поведении в монастырях Николай приказал провести полномасштабное расследование. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 182. Д. 535. Л. 1–515.

²¹ Там же. Оп. 73. Отд. 2. Ст. 3. Д. 98.

действительно способны творить «чудеса») — и только после этого народные требования удовлетворялись. В 1902 г., возможно по настоянию супруги, Николай решил положить конец затянувшемуся процессу канонизации Серафима Саровского, отшельника, который пользовался особой популярностью при дворе, поскольку якобы спредсказал славное правление Николаю, а также удовлетворил горячее желание венценосной четы иметь сына и наследника. Вне зависимости от того, какие именно побуждения двигали Николаем, его вмешательство произвело желаемый эффект: не прошло и года, как был проведен официальный обряд канонизации, в котором царь самолично участвовал вместе с многочисленными представителями простонародья.

Этот эпизод, часто упоминаемый в мемуарах высокопоставленных лиц и в традиционной историографии (как символ союза «царя и народа»), вызвал многочисленные треволения и трения в среде высокопоставленных иерархов. Само по себе вмешательство монарха в столь важный вопрос духовной жизни было неканоничным и унижительным для иерархов; по их мнению, мирская власть императора была неоспорима, но она не простиралась на церковный канон и духовные вопросы такого масштаба, как канонизация. Император оказывал на Церковь давление, причем происходило это на фоне нелицеприятных свидетельств того, что вразрез с традицией и народными представлениями останки Серафима подверглись разложению. После обнаружения (официальная церковная комиссия вскрыла могилу и сделала соответствующее заключение) этот прискорбный факт вызвал трения между высокопоставленными представителями клира и безжалостные насмешки со стороны таких далеко отстоящих друг от друга групп населения, как левые интеллектуалы и старообрядцы. Сама канонизация, проходившая в присутствии многочисленных военных и полицейских, выглядела событием скорее государственным, нежели духовным, к великому огорчению верующих.

Когда в 1905 г. в стране разразилась революция, церковные иерархи действительно пытались смирять страсти и противодействовать насилию. После Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.) Церковь сразу же встала на защиту режима: Синод обвинял в трагедии злокозненных подстрекателей (и даже намекал на участие японцев)²², а непосредственный ментор Гапона, митрополит Санкт-Петербургский Антоний, поспешил от лица Церкви отмежеваться от за-

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 576. Л. 2 об. См. также: Воззвание Св. Пр. Синода к русскому народу. СПб., 1905.

блудшего священнослужителя²³. Одним из первых на трагедию отреагировал архиепископ Новгородский Гурий, который в письме к обер-прокурору заявил, что он и подначальное ему духовенство хранят верность режиму и резко осуждают «внутренних и внешних врагов»²⁴. Епископ Саратовский Гермоген созвал 10 февраля 1905 г. собрание епархии, на котором выступил в защиту существующего режима: «Да утвердит и сохранит неприкосновенной могущество державной его [императорской] власти и поможет ему среди... лукаво поднятых тревог и смятения соблюсти несокрушимым составленный Богом и родной историей великий корабель России»²⁵. Хотя некоторые епископы (например, епископ Вятский Филарет)²⁶ с одобрением восприняли новости об октябрьском манифесте, большинство было ошарашено стремительностью развития событий. Получив известие о принятии октябрьского манифеста, архиепископ Владимирский просто отказался верить своим глазам и тут же дал телеграмму в Санкт-Петербург — выяснить, возможно ли такое²⁷. Пока не утихли революционные бури, почти все епископы твердо стояли на защите существующего порядка или как минимум призывали как своих подчиненных, так и паству воздерживаться от беззакония и насилия²⁸.

И тем не менее реакция правительства на революционные события 1905 г. только усилила недовольство епископата режимом. Особое возмущение вызвала слишком суровая реакция полиции на якобы неправомерные действия приходского духовенства. Так, в резком меморандуме от 20 декабря 1905 г. Синод выражает протест

²³ Отклик Антония на Кровавое воскресенье см. в его речи от 23 января 1905 г., перепечатанной как «Речь к рабочим Путиловского завода»: Речи, слова и поучения. СПб., 1912. С. 89–91. Об отлучении Гапона см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5618. Будущий патриарх Тихон (Беллавин) явно был возмущен этим событием и особенно ролью в нем Гапона (Там же. Оп. 205. Д. 752. Л. 42).

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Отд. 3. Ст. 5. Д. 31. Л. 3.

²⁵ Там же. Ст. 4. Д. 31. Л. 22–23 (епископ Саратовский Гермоген и экстренный съезд духовенства, 10 февраля 1905).

²⁶ Там же. Л. 474–475.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 894. Л. 4.

²⁸ Либеральных епископов было крайне мало. О деле викарного епископа Исидора из Нижнего Новгорода, который резко отрицательно высказывался в адрес «Московских ведомостей» и сотрудничал с более либеральными «Русскими ведомостями», см. жалобу полицейских властей и осуждение со стороны Синода в: РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 686. Л. 3–4. Кроме того, из Министерства внутренних дел поступила жалоба на епископа Пермского Никанора (Надеждина), который проявлял недопустимое потворство в отношении радикально настроенных священнослужителей. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. 1905 г. Д. 2270. Л. 34.

против необоснованных арестов среди приходского духовенства и прежде всего против того, что производились они без согласия Церкви; в меморандуме отмечено, что тем самым подрывается авторитет духовных лиц и их влияние на народные массы²⁹. Еще большую роль сыграло решение правительства обнародовать манифест о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. — этот закон стал важнейшей вехой в истории отношений Церкви и государства. Манифест явился отражением определенных, давно наметившихся тенденций государственной политики, однако его поспешное объявление было отчаянной попыткой любой ценой (в том числе и за счет интересов Церкви) восстановить порядок; манифест этот стал крупной уступкой религиозным меньшинствам и, по сути, открыл двери для беспрепятственного выхода из лона православия (до сих пор это трактовалось как «ересь» и было категорически воспрещено). Манифест от 17 апреля стал для Церкви своего рода «церковным кровавым воскресеньем», бесцеремонным односторонним нарушением «общественного договора» с самодержавием. Церковь и без того ощущала угрозу со стороны других конфессий (прежде всего старообрядчества и сектантства), а манифест открыл дорогу массовому переходу в другую веру — иудаизм, ислам, протестантство и в особенности в католицизм³⁰.

Через два месяца после обнародования манифеста Святейший Синод, которому было известно о планах правительства сделать уступки религиозным меньшинствам, поспешил воспользоваться революционным порывом масс и откровенной слабостью режима, чтобы выдвинуть *собственные* настоятельные требования реформ³¹. Предложения о проведении реформ звучали уже на протяжении десятилетий, но теперь стало очевидно, что перемены необходимы как никогда — в противном случае Церкви не выстоять в соперничестве с другими конфессиями³². А это прежде всего означало, что назрела необходимость фундаментальных реформ в самой Церкви, а кроме того, нужно разобраться с длинным списком практических вопросов, таких как: организация прихода, учебная программа и финансирование семинарий, содержание духовенства, администрирование

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. 1905 г. Д. 2270. Л. 37–38.

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 3085; Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. Рим, 1975. С. 8–128.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 657. Л. 25; Оп. 205. Д. 248. Л. 23; Ф. 797. Оп. 75. Отд. 2. Ст. 3. Д. 75; А. Р. Историческая переписка о судьбах Православной церкви. М., 1912.

³² Циркулярное письмо митрополита Антония к епархиальным епископам от 4 апреля 1905 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6972. Л. 22–23 об.).

епархий, духовный суд, внутренняя миссия, порядок и практика проведения церковных служб (язык, роль проповеди) и даже традиционные взаимоотношения между Церковью и государством. Высокопоставленные представители духовенства уповали на созыв Собора, ибо только он имел право принимать решения по вопросам, связанным с церковным каноном³³. Хотя Николай и отказал в просьбе о созыве Собора, ссылаясь на «нынешние обстоятельства»³⁴, он дал Церкви разрешение на то, чтобы собрать мнения отдельных епископов и создать Предсоборное присутствие для изучения отдельных вопросов — и таким образом подготовиться к Поместному собору. Как показывают «отзывы» епископов (впоследствии опубликованные в трех томах), большая часть высокопоставленных представителей духовенства, включая и самых консервативных, охотно признали необходимость реформ³⁵.

Когда революционное возмущение поутихло и столыпинский режим силой насадил закон и порядок, епископат в очередной раз подтвердил свою поддержку режима. Трудно сказать, что было тому причиной — монархические убеждения, ужас и бессилие перед лицом революционного насилия или вера в непосредственную связь между революцией и безбожием, но в 1907 г. епископы склонились к тому, чтобы поддержать новый порядок, и приняли участие в выборах консервативного состава Думы³⁶. Некоторые архиереи, такие как митрополит Московский Владимир (Богоявленский), не только поддерживали избрание в Думу представителей духовенства, но и указывали епархиальному духовенству, что нужно содействовать выбору на эти

³³ Valliere P. The Idea of a Council Russian Orthodoxy in 1905 // Russian Orthodoxy under the Old Regime / ed. by T. Stavrou, R. Nichols. Minneapolis, 1978. P. 183–201. О том, что думали об этом современники, в том числе приходские священники, см.: Труды московской комиссии по церковным вопросам. М., 1906; Ознев Н. На пороге реформ Русской церкви и духовенства. СПб., 1907.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 657. Л. 25.

³⁵ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 3 тт. СПб., 1906. Обзор этих ценнейших материалов см. в: Meyendorff J. Russian Bishops and Church Reform in 1905 // Russian Orthodoxy under the Old Regime. Minneapolis, 1978. P. 170–182 (русский перевод: Мейендорф И. Русский епископат и реформа (1905) // Мейендорф И. Церковь в истории: статьи по истории Церкви. М., 2018); Immekus P. E. Die Russische-Orthodoxe Landpfarre zu Beginn des XX. Jahrhunderts. Würzburg, 1978.

³⁶ Представители духовенства — депутаты Третьей и Четвертой Государственной думы были откровенными консерваторами; лишь изредка кто-то из них присоединялся при голосовании к центристам или леволлибералам. Об их политических взглядах см.: Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. С. 363–364, 391–392; см. также: Jockwig J. Kirche und Staatsduma // Wegzeichen. Würzburg, 1971. S. 437–350.